

СЕРИЯ **ЛИХИЕ-90-Е**

ОН ВЫШЕЛ
ПО АМНИСТИИ.
ОНА ЕГО ПОСАДИЛА.
**ЛЮБОВЬ НА ГРАНИ.
ПРАВДА ПОД ЛЬДОМ.**

1997

СЛЕДСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

г. МОСКВА

ТОНКИЙ

ЛЕД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАСТАСЬЯ КАРПИНСКАЯ

Настасья Карпинская

Тонкий лед

Серия «Лихие 90-е», книга 2

<https://litres.ru/74530818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она - опер. Он - криминальный элемент. При задержании он срывает с ее губ поцелуй. В ответ получает кулак в челюсть.

Он - прикрывает ее спину от пуль.

Она - стирает его следы из отчетов рискуя погонами.

Между ними — дикость, привязанность, страсть, сжигающая сосуды Они ходят по тонкому льду, под которым — тюрьма, позор и смерть. Страсть затягивает в омут, но кто кого утащит на дно первым? Или они упадут вдвоем?

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Настасья Карпинская

Тонкий лед

ДИСКЛЕЙМЕР

ДИСКЛЕЙМЕР

ВНИМАНИЕ! НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Данная книга содержит сцены употребления алкоголя и табачных изделий, а также ненормативную лексику. Автор напоминает, что употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью. Все персонажи произведения являются плодом фантазии автора. Любые совпадения имен, фамилий, внешности или жизненных обстоятельств героев, а также название локаций и компаний с реально существующими или существовавшими абсолютно случайны и непреднамеренны.

Осторожно ненормативная лексика! Лицам старше 18+

Глава 1

Осень 1995 год цыганский поселок оцеплен СО-Бром.

— Стреляй, — произносит отец, и я крепче сжимаю рукоять пистолета, ощущая, как подрагивает рука. — Стреляй, — звучит с нажимом, его слова иглами впиваются в сознание, и я, стиснув зубы, нажимаю спусковой крючок. Тело Цыгана падает безвольным мешком в осеннюю грязь, смешанную с первым снегом. Я опускаю руки, чувствуя, как меня начинает разбивать крупная дрожь.

Показательная казнь. Заслуженная. Только я отчего-то готова выблевать собственные внутренности. И чтобы этого не сделать, медленно и глубоко носом втягиваю воздух, переводя взгляд на линию горизонта.

— Навести порядок, — отец отдает приказ подчиненным и оборачивается ко мне. — Езжай домой. Завтра отчет Лапину на стол положишь, в котором расскажешь, каким образом подготовленного оперативника смогли похитить посреди белого дня.

В тоне его голоса звучит неприкрытое недовольство. Недовольство мной. Стискиваю зубы и шире расставляю ноги, чтобы не свалиться. Неважно, что произошло и как, если это произошло со мной и это заставило его вмешаться: значит, вина целиком моя. Я давно с этим не спорю, просто

принимаю как данность.

Голова все сильнее кружилась, а фокус взгляда то и дело плыл.

Молча кивнула и пошла за одним из оперов к машине. Осеннее свинцовое небо давило, а порывы ветра, казалось, пронизывали насквозь.

Меня трясло так, что зубы стучали. То ли от холода, то ли от напряжения, которое стягивало все внутренности железными канатами. Сжимала челюсти со всей силы до сдавленной боли в попытке сдержать реакции тела. Выходило плохо. Голова болела адски, до черных точек перед глазами. И все сильнее к горлу подступала тошнота. Наблюдательный оперативник, молча дернул бегунки на панели, врубая обогрев на полную.

— Дурно?

Кивнула, не в силах произнести хоть слово. Боль в висках была такая, будто мне голову изнутри бензопилой на куски резали.

— У вас сотряс, в больницу надо.

Отрицательно повела головой.

— Домой, — произнесла, едва совладав с собственным телом.

Опер недоверчиво покосился, но не стал настаивать, просто отвез к дому и ответственно проводил до квартиры.

Закрыв на все замки дверь, скинула обувь и, ловя вертолеты, прошла на кухню за аптечкой. Зарядили мне, конечно,

от души, не поскупились, падлы.

Цыган несколько раз отцу предлагал взятки, чтобы его толкачей* с дурью не трогали, и каждый раз его разворачивали, а на его людей открывали охоту. Поэтому эта мразь пошла на отчаянные меры: меня вырубил ударом в затылок во дворе у собственной машины. Очнулась я уже в каком-то старом доме, связанная, на полу, валяясь на старом матрасе. Сколько была в отключке, хер его знает. Но прошло немного времени, как послышались выстрелы, шум, знакомый топот ног, треск срываемых с петель дверей и передо мной появился СОБР.

Уже, когда мне помогли выйти на улицу, я увидела отца, стоящего возле служебных машин, и больше полусотни людей, уложенных мордами в грязь. Это значило лишь одно: тотальная зачистка поселка, и последствия этого могут быть совершенно непредсказуемыми, потому что у Цыгана была крыша и поговаривали, что она была «красной»**. Я невольно стала детонатором происходящих событий, и это было плохо. Нет, это было очень плохо. У отца будут проблемы, а значит, и у меня тоже.

Закинула в рот пару таблеток и запила водой из-под крана, оперлась руками о стол, стараясь хоть немного прийти в себя, надо было принять душ, от меня разило этим вонючим матрасом, на который меня кинули, до блевоты, что усугубляло и так паршивое состояние. Как только почувствовала, что могу, без последствий дойти до ванной, разделась и по-

шла мыться.

Душ, чистая одежда, постель и грелка из морозилки на затылок. В горизонтальном положении стало чуть легче. До утра доживу и то хорошо.

Утром было хреново, очень. Пересилив себя — поднялась, заставляя переставлять ноги, надо было одеться и добраться до отдела. Но Лапин в отличие от моего отца в большей мере, обладал человеческими качествами, поэтому позвонил, сообщив, что ехать никуда не надо, с сегодняшнего дня у меня неделя больничного, а за отчетом, который так просил отец, он отправит кого-нибудь завтра. Поблагодарила его и сползла вниз по стенке, прикрывая глаза и борясь с тошнотой. Безуспешно, потому что через пару минут, я уже обнималась с унитазом. Сука. Ненавижу сотряс.

**Толкачи — уличные продавцы наркотиков.*

*** «Красная» крыша — на лагерном сленге — это покровительство ведомств, связанных с администрацией, милицией и государством.*

Глава 2

Весна 1996 год. Мартыновский переулок. РУБОП*

Гусев Павел Алексеевич (Гага).

Меня заводят в кабинет и, перестегнув наручники руками вперед, усаживают на стул. За столом сидит баба. И у меня невольно брови дергаются вверх от удивления. Нет, я знал, что в мусарне телки работают, но среди убиков** еще не встречал.

— Ты дочь полковника Царева? — спрашиваю, потому что в голове уже мелькнула догадка.

Год назад слухи ходили, что именно его дочурка Цыгану пулю в лоб пустила. Никто, конечно, особо не расстроился его уходу в мир иной, кроме тех, кто через него дурь сбывал. А вообще, история там мутная была, вроде Цыган полковнику бабки предлагал, и не раз, чтоб его и людей не трога-ли, а потом, отчаявшись договориться, дочь полкана выкрал. Но Цареву всего четыре часа понадобилось, чтоб определить местонахождение дочери и разорить весь улей подчистую.

— Не помню, чтобы мы на «ты» переходили, Павел Алексеевич, — цедит, жестко определяя дистанцию, а я продолжаю ее рассматривать. Отмечая полные губы идеальной формы и миленькое личико. Красивая сучка.

— Зайчик, а зачем нам с тобой излишний официоз?

Кукла поднимает голову и впивается в меня своими гла-

зищами темными как ночь самого сатаны. Короткая пауза. Она складывает руки на столе и подается чуть вперед, так что грудь призывно приподнимается, а у меня при виде этого дергается в штанах. Темно-каштановые волосы длиной не ниже плеч, были затянуты в низкий хвост, и руки начинали зудеть от желания сдернуть резинку, чтоб посмотреть, как локоны будут обрамлять лицо.

— Слышь, малыш, зайчики, солнышки у тебя на свободе остались, а тут пасть захлопнул и открываешь ее, только когда я тебя спрашиваю.

Борзая. Она меня взглядом прессует, а я только на ее пухлые губы смотрю. Реально подвис. Какого хрена такие куклы в самой жесткой мусарне работают? Неужели мест больше не было. Таким по подиуму дефилировать надо, в брюликах и мужском внимании купаться, а не с волюной по подворотням бегать, рискуя жизнью.

— Оу, искренне извиняюсь, — расплываюсь в улыбке, — Анна Константиновна, — но она прекрасно понимает, что искренности в моих словах ни на грош. — Реально ты Цыгана завалила?

Скольжу взглядом по тонким запястьям, длинным аристократическим пальцам и даже представить не могу, как она ими табельный сжимает. Вот кое-что другое — да, а табельный — нет. Сколько ей лет? По внешнему виду я и двадцати пяти не дал бы, но острые бритвы и тяжесть во взгляде говорит о том, что ей немного больше.

— Проверить на собственной шкуре хочешь? Гусев, чем больше ты треплешься не по делу и отвлекаешь меня, тем дольше мы будем с тобой тут сидеть.

— Мне нравится твоя компания. Я не против, — не могу скрыть улыбки и пялиться на нее перестать, тоже не могу. От ее глубокого голоса передергивает всего, будто кто-то перышком по самым чувствительным местам проходится, когда она рот открывает. Пиздец просто, сижу и сам над собой угораю.

— А мне твоя нет. Поэтому, если ты продолжишь в том же духе, я позову Верещагина и встретимся мы уже с тобой завтра, когда ты будешь тихим и покладистым, — я громко смеюсь. Игната Юрьевича только тупые не знали, мразь садистская. Костолом местный.

— А вы та еще стерва, Анна Константиновна.

— А ты конченный ублюдок. У каждого свои недостатки, — парирует, и я сдержаться не могу, улыбаюсь как идиот, впервые искренне в компании мусора. Все бы такими были как она, я бы, может, на путь истинный встал, ну или у меня бы встал перманентно, второе — вероятнее всего, блин.

— Может, снимешь браслеты? Курить хочу.

— Потерпишь.

— А как же внутренние ведомственные инструкции МВД и базовые нормы УПК? Анна Константиновна. Проведение следственных действий в наручниках юридически может трактоваться как оказание психологического и физическо-

го давления, а это ставит под угрозу законность полученных показаний и протокол допроса в таком случае уже не имеет полную юридическую силу в суде.

— Слишком умный смотрю?

— Был бы слишком умным, тут бы не сидел. Я серьезно. Хоть одну руку освободи, покурю — обратно пристегнешь. Я же тихий, вести себя буду аки агнец. Кротко и смиренно.

— Рыпнешься кости переломаю и скажу, что так оно и было.

— Тих и смирен.

Царева пристегивает одну мою руку к батарее, оставляя вторую на свободе. Кладет на край стола пачку сигарет и зажигалку. Пододвигает ближе пепельницу. А я с удовольствием скольжу взглядом по ее фигуре, даже безразмерный пиджак не скрывает ее соблазнительных форм. Шикарная сучка. Она возвращается за стол, а я глубоко затягиваюсь сигаретой, выпуская в сторону дым.

Она листает материалы сшитого на меня дела, задает вопросы. Отвечаю скупой, но с каждой минутой все отчетливее понимаю, откуда это все у них, и что выйти мне сухим из воды уже не удастся. В этот раз реально присяду. Либо Васнецов гнида слил, либо Туманов плохо спрятал, а эти суки после его ареста всю недвижку его с ног на голову перевернули, рыскали так, что даже стены и полы повскрывали.

В то, что сам Петруха меня слил, я не мог поверить, даже мысль не мог допустить. Грызлись мы, конечно, с ним иногда

до крови, но чтоб заложить убикам... Нет. Знакомы были с горшка. Один двор, один сад, одна школа. Не сказать, чтобы друзья, но плечо друг другу в тяжелые времена подставляли, кто бы и что ни говорил.

— Докурил?

Улыбаюсь, киваю и тушу бычок в пепельнице. Царева поднимается, отстегивает браслет от батареи, и в этот момент, я бью ее по ногам и валю на пол. Блок ее удара, одного, второго, зажимаю руки над ее головой, закидываю ее ногу себе на бедро, всем весом прижимая к полу и яростно впиваюсь в ее рот, чтоб не успела заорать и позвать на помощь. Мне уже терять нечего, дорожка одна. Хоть одно свое желание исполню.

Стерва кусается, впивается до крови в мою губу, но боль лишь сильнее подстегивает меня, толкаюсь меж ее ног, проталкивая язык в ее сладкий ротик. Готовлюсь к яростному и долгому сопротивлению. Но ее тело вдруг обмякает подо мной, она расслабляется и внезапно отвечает с такой жадностью, что в голове мутиться, будто по темечку прикладом приложили. Отлетаю, сплетая языки, до дефицита кислорода в легких. По хребту словно жидкий огонь бежит, и сознание отъезжает. А мозг медленно перетекает в трусы. Давно меня от телок так не штырило. До космоса в голове.

Втягиваю сладкий запах ее тела. Провожу языком по ее пухлой нижней губе, ощущая ее жаркое частое дыхание. Она освобождает руку из моего ослабевшего захвата, нежно про-

водит по плечу, шеи, затылку и меня окончательно выносит. А в следующее мгновение — резкий рывок и мне довольно ощутимо прилетает в голову, челюсть, ребра, она скидывает меня на пол, прикладывает пару раз по печени и уперевшись коленом в спину профессионально заламывает мне руки, вырывая из моей глотки сдавленный стон.

Смеюсь, сплевывая кровь на пол. Челюсть сука ломит, так, будто мне не эта хрупкая фея вшатала, а мужик килограммов сто пятьдесят. Перед глазами звезды ловлю и не понимаю, это от ее умелого язычка или от удара в бошку?

Браслеты снова щелкают на запястьях теперь уже со спины, а Царева поднимается и идет к двери.

— Лейтенант, уведите гражданина, — произносит, обращаясь к кому-то в коридоре. — И скажи Верещагину, пусть научит его хорошему поведению.

Меня грубо поднимают с пола, а я улыбаюсь, облизывая губы, и подмигиваю Царевой, испытывая нереальное наслаждение от вида ее розовых губ. Вкусная сука. Безумно вкусная, настолько, что я даже не жалею, что мне за это сейчас ребра пересчитают с особой жестокостью.

** РУБОП — это Региональное управление по борьбе с организованной преступностью . Это спецподразделение в структуре МВД России, которое существовало с 1993 по 2001 год и было создано для подавления разгула бандитизма и рэкета в эпоху девяностых.*

***Убики — так в лихие 90-е участники ОПГ называли со-*

трудников РУБОПа также «шестиками» (из-за того, что изначально это было знаменитое Шестое управление МВД), а также «рубящими». Позднее, во времена «маски-шоу», появилось презрительное прозвище «убики» (сокращение от УБОП).

Всех рада приветствовать в истории Павла и Анны!

Пока главы будут выходить по Вторникам и Пятницам. Обо всех изменениях в графике информирую в группе в ВК <https://vk.ru/karpinskayanastasia> и других соцсетях.

Буду рада вашим комментариям и поддержке!

Приятного чтения!

Глава 3

Анна

— Ублюдок, — шепчу себе под нос, нервно дергая разбухшую створку форточки, которая поддается только с третьего раза, вытаскиваю из пачки сигарету, наблюдая, как собственные пальцы подрагивают. Подкуриваю, затягиваюсь, пытаюсь успокоить разыгравшиеся нервы и избавиться от ощущения его губ и языка в собственном рту. И рук... горячих...

Холодный воздух врывается в кабинет, но даже он не помогает, кожа словно пылает.

А в теле до сих пор искрят импульсы, оседая внизу живота. И я упорно пытаюсь себя убедить, что это адреналин. Но внутренний голос противно так насмехается над этими пустыми потугами. Еще от мрази бандитской не заводилась, совсем мозги от работы и отсутствия личной жизни спеклись. Черт бы тебя побрал, Гусев! Выдохнула дым в сторону форточки и на мгновение закрыла глаза, пытаюсь взять под контроль огонь, что теперь настойчиво гулял в жилах и никак не хотел сходить. А перед глазами стоял насмешливый взгляд карих глаз. Твою ж мать.

Дверь скрипнула, и я обернулась.

— Ань, сильно занята? — в кабинет заглянул Абрамов.

— Над делом Гусева сижу.

— Не хочешь со мной до Степановского проспекта смо-

таться?

— Что там?

— Встреча с агентом. Прикроешь, если что не так пойдет.

— Поехали.

Затушила сигарету, вытащила табельный и, сняв с вешалки куртку, пошла вслед за Иваном. Вовремя он со своим предложением. Сейчас мне жизненно необходимо было проветрить голову.

На всех наших последующих встречах с Царевой в кабинете помимо нее присутствовал еще один оперативник. Прошла неделя, а ребра все еще болезненно ныли, но я все равно не мог отказать себе в жадных взглядах, особенно когда замечал ее реакции. Последних было мало, она умела себя контролировать, слишком. Со стороны и вовсе казалась ледяной стервой, но ее ответный поцелуй до сих пор пульсировал в мозгу взрывными кадрами, заставляя кипеть кровь в венах. Сегодня наше с ней последнее «свидание», я уже знал, что завтра в СИЗО отъеду. И мне даже жаль, что ее личико теперь я еще долго не увижу.

— Увидимся еще, Анна Константиновна, — произношу, подмигивая, смотрю на ее губы и провожу языком по своим, замечая, как темные глаза насыщаются еще большей тьмой, — хотел бы я увидеть, каким глубоким, и горячим становится ее взгляд, когда она кончает. От этих мыслей в штанах снова становится тесно.

— Лет через пятнадцать, Гусев, если тебя на зоне раньше не завалят, — прилетает мрачно в ответ, и я смеюсь в голос. Стерва. Вкусная стерва.

Сентябрь 1997 года

— Ань, ты чего? — спрашивает Ванька, видя, с какой силой я сжимаю телефонную трубку, старый пластик жалобно скрипит в руке.

— Защита Гусева снова пытается пробиться, подали кассацию в Верховный Суд. Якобы в деле есть грубейшие процессуальные нарушения.

— Думаешь, добьются, чтоб скостили срок?

— Уверена. Переквалифицируют в незаконное предпринимательство и самоуправство. Мол, его причастность к ОПГ недоказанная.

— Там железно все было, Ань, не отвертится, они уже дважды обломались, — Абрамов пытается меня успокоить, но и мне и ему известно, как это все делается и слепая злость медленно затапливала разум.

— Мне уже намекнули, что часть бумаг была утеряна, а часть признана фальсификатом.

— Пидарасы, — мрачно, не скрывая бурлящую внутри ярость, выдал Абрамов, и тут я была с ним солидарна.

— Деньги, Вань, дороже чести.

Декабрь 1997 года

«... Государственная дума сегодня в третьем, окончательном чтении приняла Постановление об объявлении широкой

амнистии. Она приурочена к пятилетию российской Конституции. И пока депутаты Госдумы называют принятую амнистию актом милосердия, правоохранительные органы бьют тревогу. Сегодняшнее решение парламентариев освободить почти сорок тысяч заключенных уже вызвало глухой протест в МВД. Оперативники неофициально заявляют, что криминальный мир попытается использовать этот закон как лазейку. Адвокаты крупных криминальных авторитетов уже начали массово подавать апелляции, пытаясь переквалифицировать статьи своих подзащитных с «бандитизма» на более мягкие, чтобы успеть провести их по спискам амнистированных. Удастся ли лидерам ОПГ выйти на свободу под шумок новогодней амнистии — покажет время. В эфире для вас был Николай Петров, радио «Сегодня».

Я замерла с чашкой кофе в руках, сдерживая внутренний взрыв. Обернулась на Абрамова, который сжал зубы так, что желваки заиграли. Все искренне надеялись, что обсуждаемая амнистия коснется только тяжелобольных заключенных, но наши надежды не оправдались.

Атмосфера в отделе после объявления даты амнистии была словно на кладбище, хотя нет, на кладбище было и то веселей. Акт милосердия, блядь. Нас предали. Мы эту шваль, рискуя своими жизнями за решетку сажали, я со счета сбилась, сколько раз я была на кладбище за последние два года, хороня коллег и агентов, а милостивое государство взяло и отпустило этих ублюдков.

На носу Новый год, а мы работали сутками, зарывались в сводки и оперативки, пытаюсь перехватить хотя бы часть тех, кого уже когда-то посадили, перехватить сразу у ворот тюрем и колоний, и закрыть по новым статьям. Все работали на износ, до выгорания, до тошноты от недосыпа до срывов, когда становится уже плевать кто, зачем и почему. Из хранилища были вытащены стволы с «историей», их подкидывали, если зацепиться было не за что, и снова закрывали уже по другим статьям. Нечестно? Не по правилам? Не по закону? Да поебать уже, когда ты своими глазами видела, что эта мразь троих оперативников завалил, оставив детей без отца, а ему шьют лишь незаконное предпринимательство и отпускают через полтора года по амнистии. Это по закону? По справедливости, мать вашу? Я кипела.

— Надо было этих тварей гасить сразу при задержании. Меньше бы работы сейчас было, — произнес Ванька, закопавшись в бумаги, — уже было два часа ночи, а мы даже не ужинали, про сон вообще можно было не вспоминать.

Февраль 1998 года

Домой вырывалась изредка, помыться да переодеться, все остальное время жила в отделе. Сегодня, понимая, что еще одни сутки, я просто не вывезу, предупредила Лапина и вышла из здания управления, но едва сделала шаг к машине, как меня окликнули.

— Здравствуйте, Анна Константиновна! — я подняла голову и замерла на месте. Ублюдок Гусев стоял у черного джи-

па. Одет с иголочки: серое пальто до колена, черные брюки, белая рубашка и огромный букет белых роз в руках. Кто бы сомневался, что он сумеет воспользоваться моментом. Делаю шаг назад. С этой тварью нужна предельная осторожность и дистанция.

— Тебе на зоне инстинкт самосохранения отбили? — спрашиваю, рефлекторно проверяя, взяла ли с собой ствол.

Вот какой debil, после отсидки, только выйдя, сам явится под двери регионального управления по борьбе с организованной преступностью? Наверное, только такой отбитый, как Гусев.

— Я же тебе обещал, что увидимся, — и он протянул букет улыбаясь, а в глазах черти уже отбивали чечетку.

Не двигаюсь.

— И что там? Тротил или гадость какая, чтоб траванулась?

— Да бог с вами, Анна Константиновна, — он скинул упаковку и без замедления лицом зарылся в цветы. — Еще доказательства нужны?

— Гусев, знаешь, куда ты можешь этот букет себе запихнуть? Сам догадаешься? У тебя пара минут исчезнуть, иначе ты вернешься туда, откуда вышел. Хотя ты все равно туда вернешься. Я тебе гарантирую.

Быстрым шагом к тачке, не выпуская его из поля зрения.

Почему Господь не сделал этого ублюдка хоть немного менее симпатичным? Ну хотя бы, чтоб уши у него торчали! Или

я не знаю, чтобы рост полвершка был. Нет же, высокий широкоплечий подтянутый детина, с по-мужски правильными чертами лица, брюнет, и глаза эти блядские. Единственным недостатком в его безупречной внешности был нос с небольшой горбинкой, видимо, ломали его ему не раз.

Села в машину, слыша его дебильный смех, от которого все тело моментально напряглось, и я зло ударила по педали газа.

Пока главы будут выходить по Вторникам и Пятницам. Обо всех изменениях в графике информирую в группе в ВК <https://vk.ru/karpinskayanastasia> и других соцсетях.

**Буду рада вашим комментариям и поддержке!
Приятного чтения!**

Глава 4

Лязг железных засовов и скрип ворот противно ударили по барабанным перепонкам, и я шагнул за пределы зоны. Почти два года в этой богадельни провел, тошнило уже от запахов, людей и облезлых стен. Поднял лицо к серому небу, делая глубокий вдох и наслаждаясь чистым морозным воздухом, снег падал пушистыми хлопьями и таял на коже. Как же хорошо. Свобода, мать вашу.

— Павел Алексеевич, — раздалось, рядом заставляя напрячься, и я, открыв глаза, посмотрел перед собой. Морозов — адвокат, который бился над моим делом, стоял в паре шагов, а за ним четыре черных внедорожника, из которых уже вывалились парни.

— Добрый день, Игорь Дмитриевич, — и я пожал ему руку. — Спасибо за работу.

— Сделал все, что мог.

Хороший мужик, с таким иметь дела одно удовольствие: исполнительный, упорный, образованный, не пресмыкается, знает, чего стоит он и его услуги, и работу свою выполняет на совесть. Благодаря ему я не потерял управление, по факту все это время рулил через него.

— Оплата вас устроила или я вам что-то еще должен?

— Все в полном порядке. Никаких долгов, Павел Алексеевич. Может, пройдем в машину? Сегодня довольно про-

хладно.

Я пожал руки парням и сел в тачку.

— Куда Павел Алексеевич, в квартиру или дом? — спросил Гор, садясь за руль.

— Дом, — сейчас мне хотелось простора, воздуха и пространства. Хорошо, что всю недвижимость вовремя успел на сестру переписать, и теперь было куда вернуться.

— Все ваши указания выполнены, — начал Морозов, — балласт скинули, кеш вложили в легальные проекты. С документацией можете ознакомиться лично, все подготовили. Вложения уже отбились на данный момент в тройном размере и продолжают приносить доход. Ваши люди вам представят все данные.

Он протянул мне пачку сигарет и зажигалку, и я, приоткрыв окно, закурил.

— С Дарьей все решили?

Я подал на развод, сразу, как меня закрыли, моей бывшей жене были обещаны хорошие отступные и левые документы, чтоб могла спокойно выехать из страны. Девушка она была неплохая, и жизнь ей портить я не хотел. Ее бы тупо завалили, если появился бы хоть один шепоток, один намек, на то, что я слил информацию мусорам. А сделать это падлы могли, в любой момент. Недоброжелателей воз и маленькая тележка.

— Да. Дарья Александровна, на все согласилась без дополнительных требований с ее стороны. Сейчас она находит-

ся в Италии с новым мужем. Ваши люди первое время за ней присматривали. Никаких хвостов и сторонних наблюдателей замечено не было. Если необходимо, я дополнительно проверю.

— Нет нужды. Благодарю, Игорь Дмитриевич. Бумаги все просмотрю, если будут вопросы, вас вызовут, — прикончив сигарету, выбросил окурок и закрыл окно.

— Рад, что могу быть полезен.

Морозова высадили в городе у его бюро и тачки двинулись к дому.

— Гор, что там по делам? — спросил, откидывая голову на спинку сиденья и прикрывая глаза.

— Да терпимо. Парни вас ждали. Бунтов никаких не было. Все делом заняты. Мы старались не светиться. Нелегал уступили сразу, как вас закрыли, по вашему указанию, так что мусора нас особо не трогали.

— Кто встал на потоках оружия?

— Данилов, — прозвучало в ответ, и я усмехнулся. Ожидаемо. Один из моих бригадиров, бывших, как понимаю. Ну да, ладно, если не будет мешаться под ногами, пусть тянет.

— Кто еще слился?

— Пятеро, и они все ваши старые ветки взяли. Левых не было. Но очкуют сейчас, что вы обратно попросите.

— Сообщите, что если сами залупаться не будут, то я претензий не имею, пусть ровно сидят, у меня новые игрушки появились. «Армандо» пашет?

— Да. Лично занимаюсь. Заедем?

— Позже. Пока сам рули.

— Понял. Там Васнецовские пасть разевают на землю в порту. Две стычки уже было. Отбиваемся.

— Договорись о личной встрече с Васей, дня через два. Что-то смелым черт стал, рога укоротить надо.

— В себя поверил, как вас посадили. Он же все под себя гребет.

— Ну, так закончилась лафа. Сам не понимает — доходчиво объясню. — Гор понимающе кивнул.

Оказавшись дома, сразу залез в душ, вонь зоновскую с себя смыть. И почувствовав себя человеком, упал звездой на свежую постель. Какой же сука кайф. После тюрьмы начинаешь благодарить высшие силы даже за элементарные бытовые удобства и ценить чистые простыни. Но стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором, настойчиво замаячил образ Царевой. Ведьма, блядь. Столько времени покоя не дает, как заноза в спине. Это парадоксально, но оперша все это время сидела в моей голове. Прокляла меня, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.